

Зеваки прекратили перешептываться, и их взгляды невольно устремились вслед за молодым хоу. Его спина была прямой, как сосна, а ростом он оказался по меньшей мере на голову выше стоявшей рядом свахи. С такой осанкой — даже в женском парадном наряде с вышитыми фазанами и облаками, даже под короной из перьев зимородка и с алым покрывалом на голове — невозможно было скрыть природную статью.

— Поднимай — паланкин!

Ци Чэн поднялся в большой алый паланкин с двойной крышей, и под зычные крики носильщиков его фигура скрылась в волне красного цвета. Собравшаяся у поместья толпа постепенно рассеялась: люди наконец осознали, что молодой хоу Поместья Чжэньго-хоу некогда был самым императором пожалован в наследники, и его будущее на государственной службе должно было быть безоблачным.

Какая жалость.

В Резиденции Седьмого принца в этот момент стоял шум и гам. Знатные особы и члены императорской семьи, пришедшие с щедрыми дарами, шли нескончаемым потоком, чуть ли не снося порог, хотя оставалось лишь гадать, сколько в их поздравлениях было искренности, а сколько — фальши.

Ци Чэн вышел из паланкина, сваха провела его через жаровню с углями и наконец вручила по обоюдному концу красной шелковой ленты Ци Чэну и Седьмому принцу, что символизировало неразрывную узами судьбы брачную нить.

Сжимая в руке шелковую ленту, Ци Чэн сквозь покров вуали смутно разглядел фигуру Седьмого принца Чжоу Айфэна и мысленно изумился. Он и сам был ростом метр восемьдесят, но при этом оказался ниже Чжоу Айфэна добрых полголовы. Неужели тот ростом под метр девяносто? Или это тело ниже его прежнего?

Ци Чэн мысленно хотел присмотреться к росту остальных, чтобы сравнить со своим, но даже не подозревал, что они с Чжоу Айфэном находились в самом центре всеобщего внимания. Не успели новобрачные ступить в главный зал, как извне донесся голос евнуха-распорядителя:

— Император пожаловал!

В одно мгновение гости рухнули на колени. Ци Чэн, ничего не поделав, тоже был вынужден опуститься на колени и вместе со всеми проскандировать тысячелетние пожелания здравствия.

— Поднимайтесь, — произнес Император Юньдэ, взмахнул рукавом, подошел к Чжоу Айфэну и задумчиво промолвил: — Фэн-эр.

Чжоу Айфэн почтительно согнулся в поклоне:

— Отец-император еще полностью не оправился от тяжелой болезни, поэтому должен беречь драгоценное здоровье. Сейчас еще не спали весенние холода, так что нельзя допустить, чтобы сын заставил вас тревожиться и навредил вашему самочувствию.

Ци Чэн слегка приподнял брови — такого поворота от Чжоу Айфэна он никак не ожидал, и теперь ему пришлось взглянуть на того совершенно по-новому. Согласно предоставленным Системой сведениям, Чжоу Айфэн с самого рождения рос в Холодных дворцах, а его матерью была святая дева племени У, которая скончалась от меланхолии, когда мальчику не

исполнилось и трех лет. Племя У обитало на севере и занималось скотоводством. Желая объединить северные земли, Сын Неба несколько раз предпринимал северные походы, в ходе которых неоднократно сходилась в битвах с племенем У. Потерпев поражение от Государства Дачжоу, вождь племени запросил мира и преподнес в дар императору Дачжоу свою дочь — святую деву племени У. После этого император прекратил боевые действия, однако уже следующей весной снова пошел войной на север и уничтожил племя У. Будучи потомком народа У, Чжоу Айфэн закономерно не пользовался монаршей милостью. И тем не менее он умудрился выжить в Холодных дворцах, а император, дороживший собственной репутацией, пожаловал ему титул Седьмого принца.

Даже несмотря на это, Император Юньдэ так и не оставил мыслей сжить Чжоу Айфэна со свету. Он отправил еще не вышедшего из детского возраста Чжоу Айфэна в военный лагерь, не предоставив тому абсолютно никаких гарантий безопасности. Можно сказать, что император Дачжоу ни единого дня не исполнял свои отцовские обязанности: он пустил судьбу Чжоу Айфэна в армии на самотек, но никак не ожидал, что тот, напротив, пойдет в войсках в гору, не только снискав немалый авторитет, но и в совершенстве овладев боевыми искусствами. Императору пришлось спешно вернуть Чжоу Айфэна в столицу.

Судя по всему, император испытывал перед Чжоу Айфэном страх и опасения; возможно, он о чем-то догадывался в планах наследного принца и государственного наставника, но охотно им потакал. Если дело обстояло так, то ситуация для самого Ци Чэна складывалась поистине крайне неблагоприятная.

Император с умилением кивнул Чжоу Айфэну:

— Я знаю, что ты у меня сын почтительный, но сегодня твоя свадьба, и отец никак не мог ее пропустить.

С этими словами он протянул руку и похлопал Чжоу Айфэна по плечу.

— Благодарю отца-императора за проявленную милость, сын безмерно тронут. Прошу вас, отец-император! — Чжоу Айфэн слегка отступил в сторону, и тон его казался исполненным растерянной благодарности.

Император остался весьма доволен поведением Чжоу Айфэна и уже собрался сделать шаг вперед, как вдруг заметил стоявшего сбоку Ци Чэна — тот красный наряд действительно бросался в глаза настолько сильно, что не обратить на него внимания было просто невозможно.

— Ты часом не сын хоу Поместья Чжэньго-хоу? — поинтересовался император.

Ци Чэн опустил голову:

— Ничтожный подданный — он самый.

Поскольку он еще не вступил в Резиденцию Седьмого принца и более не являлся наследником рода, именовать себя ничтожным подданным казалось самым безопасным решением.

Император Юньдэ продолжил допытываться:

— Ты мог бы унаследовать титул хоу, но из-за моего императорского указа о браке был вынужден выйти замуж за Фэн-эр. Скажи мне, тайшь ли ты обиду?

Стоило императору произнести эти слова, как в огромном зале воцарилась абсолютная тишина — больше никто не смел вымолвить ни звука. Все взгляды, полные жгучего любопытства, устремились на Ци Чэна. По столичным слухам, этот молодой хоу отличался диким, необузданным нравом и даже в открытую требовал от императора отменить высочайшее повеление, ради чего готов был пойти на смерть. Ци Динфэн и наследный принц переглянулись с усмешками: этот его старший брат, за исключением ученых познаний, которые были получше, в остальном не стоил абсолютно ничего!

И с чего этому никчемному пустышке проявлять такую гордость? С какого перепугу он вздумал оспаривать у него статус наследника? В глазах Ци Динфэна сверкнул хищный блеск, и снедающая его жгучая зависть заставляла всем сердцем жаждать момента, когда Ци Чэн сболтнет лишнее и навлечет на себя гнев самого императора. Но Ци Динфэню было суждено разочароваться: нынешний Ци Чэн уже сменил внутреннюю суть и больше не был тем надменным и заносчивым юным хоу. Сложив руки перед грудью, он низко поклонился, и его чистый и ясный, подобно родниковой воде, голос разнёсся по залу:

— И милость, и гнев монарха — всё есть императорская благодать. Как смеет простой смертный затаиться обиду? К тому же, являясь законнорожденным сыном в поместье хоу, разделять заботы государя — мой долг и великая честь.

Император Юньдэ выслушал его, поглаживая бороду, и со смехом произнес:

— Хорошо, хорошо, хорошо! Воистину у грозного тигра не рождаются собаки. Иметь такого сына — поистине великая удача для Поместья Чжэньго-хоу. Эй, передайте мой указ: пожаловать молодому господину Ци одну нефритовую жуи, сто ляэнов золота и пять отрезков шёлка.

Ци Чэн снова поклонился:

— Благодарю Ваше Величество.

Ци Динфэн стоял в стороне, до боли сжирая кулаки — ногти почти впились в ладони. Он никак не мог ожидать, что Ци Чэн стерпит всё в самый критический момент! Неужели его прежнее упрямство на грани смерти было лишь игрой? Он рассчитывал чужими руками императора избавиться от этого камня преткновения, но все надежды пошли прахом. Как он мог смириться с этим?

Однако Ци Динфэн был человеком глубокого ума и быстро взял себя в руки. Самый важный шаг уже сделан, и титул наследника был близок как никогда. Настанет день, настанет день, когда он заставит Ци Чэна ползать у своих ног и молить о прощении!

Этот небольшой эпизод никак не повлиял на ход свадьбы. Как только наступил благоприятный час, молодожёны поклонились Небу и Земле, и брак был заключён. Под присмотром свахи Ци Чэн вошёл в брачные покои. Стоило свахе удалиться, как он сорвал с головы красный хиджаб — эта алая ткань застилала глаза так долго, что теперь ему казалось, будто всё вокруг окрашено в несмываемый красный цвет.

— Хозяин, что ты делаешь? — внезапно подал голос системный помощник.

Ци Чэн замер с рукой на свадебном наряде и беспомощно вздохнул:

— Этот костюм завязан намертво, я не могу его распутать!

Системный помощник немного подумал:

— Возможно, тебе понадобятся ножницы.

— Ладно, — махнул рукой Ци Чэн. — Если я разрежу свадебный наряд, это сочтут за неуважение, и моих голов не сносить. Пусть будет так. Время уже позднее, я спать.

Не дожидаясь ответа системы, Ци Чэн скинул сапоги и завалился на кровать, попутно смахнув с постели свадебные финики с лонганом, попробовал их и без всяких угрызений совести погрузился в сон. В конце концов, по его мнению, Седьмой принц, которого насильно заставили жениться на мужчине, ни за что не ступит в новые покои.

Однако в этом мире нет ничего абсолютного, и Ци Чэн, конечно же, не знал, что в тот самый момент, когда он крепко спал, кто-то бесшумно подошёл к его кровати.

Это был не кто иной, как Седьмой принц Государства Дачжоу — Чжоу Айфэн.

Чжоу Айфэн подошёл к столу, взял лежащее там огниво и зажёл красную свечу. Мягкий золотистый свет разлился вокруг, освещая всю комнату. Его взгляд задержался на свадебном ложе и долго не смещал с него сдвинуться. Ци Чэн спал очень спокойно: он принадлежал к тем людям, которые, заснув, почти не ворочаются. Сейчас он тихо лежал там, а тёплый свет, озарявший его лицо, каким-то чудом придавал ему безмятежности.

Вспыльчивое раздражение Чжоу Айфэна удивительным образом улеглось. Он присел на край ложа и, нахмурившись, посмотрел на свою новоиспеченную супругу.

Ярко-красное свадебное одеяние раскинулось по всей постели, ослепляя своей непревзойденной красотой. Воротник был слегка растрепан, на нем виднелись неровные следы от зубов, свидетельствовавшие о том, какому жестокому обращению он некогда подвергся со стороны своего хозяина. Ниже этих следов белая кожа скрывалась среди алого зарева, словно ослепительная жемчужина в ночи, привлекая всеобщее внимание. Изящные ключицы прятались под вышитыми золотыми нитями птицами луань, придавая всему облику особый привкус.

Чжоу Айфэн почувствовал внезапную сухость во рту. Его острый взгляд скользнул по белоснежной шее Ци Чэна и опустился на розоватые, чуть припухшие губы. Внешность Ци Чэна на самом деле была весьма хороша: высокий прямой нос несли в себе свойственную юношам решительность, а полудлинные ресницы опускались на веки, очерчивая контуры глаз. Нетрудно было представить, каким великолепием и ослепительным блеском озарится все вокруг, когда эти глаза откроются. Чжоу Айфэн тут же отвел взгляд, развернулся и большими шагами вышел из новой спальни. На следующий день Ци Чэн бесплатно совершил экскурсию по императорскому дворцу. Будучи супругом Седьмого принца, он должен был поднести вино императору и императрице, но поскольку он был мужчиной, путь во внутренние покои для него был закрыт, что незримо избавило его от множества хлопот. Помимо визита во дворец для представления императору, в остальное время Ци Чэн практически не видел Чжоу Айфэна, впрочем, он и не собирался в этот момент попадаться тому на глаза.

Доу Сюн сообщил ему, что на трансляцию подписались еще два человека — это было доказательством роста популярности канала. Доу Сюн говорил, что при достижении

определенного числа подписчиков полагается загадочная награда.

Ци Чэн слегка заинтересовался этой загадочной наградой, однако он так и не смог понять, что именно сделал для того, чтобы получить два новых подписчика, и в конце концов ему оставалось лишь списать всё на внешность Чжоу Айфэна.

Чжоу Айфэн был потомком племени У и унаследовал от сородичей карие глаза и волосы, прямой переносицу и глубокие черты лица. Карие волосы были полностью зачесаны назад, открывая высеченный будто ножом лоб и лицо. Его брови, подобные остриям мечей, казались пронзительно-острыми и еще больше подчеркивали свирепый взгляд тех глаз, в которых таилась первобытная дикость.

Будучи геем, Ци Чэн не мог не признать, что Чжоу Айфэн обладал колоссальной притягательностью. Его фигура и внешность были безупречны — это был тот тип мужчин, который проще всего заставляет сердце биться чаще: опасный, но при этом невероятно сексуальный и харизматичный. Девять дней пролетели незаметно, и настал день, когда Ци Чэн должен был посетить поместье Чжэньго-хоу с ответным визитом. С самого раннего утра перед воротами поместья собралась толпа любопытных, желающих поглазеть на происходящее. Нравы в государстве Дачжоу были простыми, и власти не слишком ограничивали народ в подобных проявлениях интереса. Когда паланкин из резиденции Седьмого принца остановился у ворот, Чжэньго-хоу лично вышел встречать гостей в сопровождении супруги, наложниц и детей.

Ци Чэн приподнял полог паланкина, собираясь выйти, как вдруг чья-то рука протянулась к нему. Он на мгновение замер, услышав низкий голос Чжоу Айфэна:

— Подать тебе руку?

Это что, игра на публику?

Ци Чэн был слегка удивлен, но ломаться не стал и, опершись на руку Чжоу Айфэна, вышел из паланкина. Люди из поместья Чжэньго-хоу, увидев эту сцену, сразу сделали выводы о том, насколько высоко ценят Ци Чэна в резиденции принца. Ци Вань от зависти и злобы даже прошипела себе под нос:

— Лисица!

Ци Чэн этого не услышал, зато прекрасно расслышал Чжоу Айфэн, чьи навыки боевых искусств были на высоте. Он с полуулыбкой взглянул на Ци Вань, которая, решив, что привлекла внимание Седьмого принца, немедленно покраснела от смущения.

— Седьмой принц, супруг Седьмого принца, прошу сюда! — Чжэньго-хоу уступил дорогу, низко поклонившись.

Ци Чэн кивнул и, проходя мимо второго молодого господина семьи Ци, Ци Динфэна, бросил на

того небрежный взгляд.

Ци Динфэн расплылся в широкой улыбке, словно и впрямь был искренне рад возвращению Ци Чэна. Тот слегка приподнял уголки губ в ответном жесте. Какими бы змеями ни были оба в душе, внешне всё выглядело чинно и благородно.

Когда они вошли, Чжэньго-хоу произнес:

— Чэн-эр, ты уже некоторое время живешь во дворце, наверняка тебе есть о чем поговорить с матерью. У нас с Седьмым принцем есть важные дела, так что иди с супругой в задние покои, отдохни немного. К обеду я прикажу позвать тебя.

Таков был обычай: во время визита супруги домой муж обычно не присутствовал при общении с родней, а уж если речь шла об особах королевской крови, вроде Седьмого принца, то те и вовсе не должны были показываться. Ци Чэн уже приготовился идти один, но никак не ожидал, что Чжоу Айфэн решит сопровождать его лично. Одно это уже заставляло Ци Чэна чувствовать, что он остался в долгу.

— Хорошо, — Ци Чэн посмотрел на Чжоу Айфэна и неожиданно встретился с его глубоким взглядом. Он на мгновение замялся, а затем добавил: — Раз у отца с мужем есть дела, я пойду с матушкой.

Он слегка склонил голову, соблюдая все приличия, к которым нельзя было придраться. Чжэньго-хоу довольно кивнул: по его мнению, потеря одного толкового законного сына не нанесла бы поместью серьезного урона, зато возможность сесть в одну лодку с Седьмым принцем открывала куда более заманчивые перспективы. Что важнее, было очевидно.

Как Ци Чэн мог не догадаться об этих мыслях? Он опустил глаза, пряча насмешку, и потому не увидел, как вспыхнули глаза Чжоу Айфэна, услышавшего обращение «муж».

В задних покоях поместья.

Госпожа Чэнь отослала слуг, плотно закрыла дверь и только тогда повернулась к сыну, глядя на него со слезами на глазах.

— Чэн-эр, ты настрадался, дай мне хоть посмотреть на тебя! — Она не успела закончить фразу, как разрыдалась. Усадив Ци Чэна на стул, она дрожащими руками гладила его по лицу.

Ци Чэн растерялся. Хоть он и унаследовал память прежнего владельца тела, собственных чувств у него не было, да и сопереживать он не умел. Его лицо напряглось, спина вытянулась в струну, и он лишь сухо произнес:

— Матушка.

Слезы Госпожи Чэнь лились, как жемчуг из порванной нити. Брови Ци Чэна слегка сошлись к переносице, в груди почему-то защемило — появилось даже импульсивное желание стереть эти слезы рукой. Госпожа Чэнь не заметила перемены в сыне; огромное горе, накопленное за эти дни, наконец прорвалось наружу.

Ци Чэн вздохнул и тихо сказал:

— Матушка, не плачьте. В резиденции Седьмого принца мне живется хорошо, я не терплю лишений. Лучше позаботьтесь о себе, пока меня нет в поместье.

Госпожа Чэнь вытерла слезы рукавом и всхлипнула:

— Чэн-эр, я виновата перед тобой, это я обрекла тебя на такие муки! Если бы я не была такой трусливой, этот старый мерзавец не посмел бы без зазрения совести использовать тебя как разменную монету! — Глаза ее налились кровью, ненависть в них была почти осязаемой.

Глядя на такую иступленную Госпожу Чэнь, Ци Чэн вспомнил одну истину: материнская любовь способна превратить слабую женщину в камень.

В памяти прежнего владельца Госпожа Чэнь была крайне осторожной женщиной. Она никогда не искала неприятностей и, даже будучи главной хозяйкой дома, редко вступала в конфликты с наложницами. Он никогда не видел её с таким свирепым выражением лица.

Ци Чэн крепче сжал её руку и даже ощутил некую зависть. Когда он был совсем маленьким, его родители развелись и создали новые семьи. Хотя они никогда не жалели на него денег, теплоты и привязанности не давали вовсе. Они считали его пятном на своей жизни и без колебаний выбросили из неё.

В сравнении с ними Госпожа Чэнь была куда лучше.

— Матушка, что сделано, то сделано, искать виноватых теперь бесполезно. Я и сам никогда не стремился к титулу наследника, не стоит себя корить, — Ци Чэн улыбнулся, нежно вытирая слезы с её щек. — Перестаньте, иначе красота ваша померкнет.

Госпожа Чэнь ошеломленно замерла, вглядываясь в сына:

— Но... но ведь ты раньше... — Она хотела упомянуть попытки самоубийства, которые он предпринимал несколько дней назад, но вовремя прикусила язык. Она боялась снова ранить его сердце, вороша прошлое.

Ци Чэн легко разгадал её мысли. Почувствовав тепло в душе, он рассмеялся:

— Это был лишь отвлекающий маневр, чтобы запутать тех, кто стоит за этим. Не волнуйтесь, я

все держу под контролем. Скажите, вы получили письмо, которое я прислал несколько дней назад?

Госпожа Чэнь напряглась, оглянулась на дверь, проверяя, плотно ли она закрыта, и прошептала:

— Пойдем со мной.

Она подошла к углу комнаты и повернула чернильницу, стоявшую на полке с антиквариатом. Полка неожиданно разъехалась в стороны, открывая скрытую за ней дверь.

Вскоре послышались размеренные шаги, и перед ними показалась фигура человека. Пришедший был одет в черный тренировочный костюм, фигура его не казалась внушительной. Когда он подошел ближе, Ци Чэн увидел, что это старик с седыми волосами и бородой.

— Госпожа, молодой господин. — Голос старика был негромким, но дыхание — глубоким и размеренным. Система тут же подала сигнал в голове Ци Чэна: «Это мастер!»

Ци Чэн насторожился. Хотя Доу Сюн и не всегда был надежен, он никогда не врал. Ци Чэн внимательно рассматривал старика: несмотря на седину, в нем не было дряхлости, глаза горели острым умом. Ци Чэн видел немало стариков, но ни у одного из них не было такой энергии. Если бы не глубокие морщины, он мог бы подумать, что старик просто покрасил волосы.

— Чэн-эр, это дядя Чжун, верный соратник твоего деда по матери, он всегда охранял наше поместье, — пояснила Госпожа Чэнь, заметно успокоившись.

Ци Чэн поклонился:

— Дядя Чжун.

Чэнь Чжун поспешно отступил в сторону, избегая поклона, и с тревогой произнес:

— Молодой господин, вы губите старого слугу! Как я могу принять поклон от столь высокопоставленного человека? Я не смог уберечь вас от беды и чувствую себя глубоко виноватым. Но не волнуйтесь, хозяин уже собрал людей, и не позднее чем через три дня мы выведем вас из Дачжоу.

— Вывести из Дачжоу? — Ци Чэн покачал головой. — Не выйдет. Резиденция Седьмого принца находится прямо во дворце, охрана там невероятно строгая. Да и само бегство из государства — задача почти невыполнимая. Дачжоу огромен, путь от столицы до границы займет не меньше полумесяца. Этого времени хватит императору, чтобы разослать ордера на арест во все уголки страны.

Чэнь Чжун с недоумением посмотрел на Госпожу Чэнь, и та вздохнула:

— Чэн-эр, твой дед — это глава Павильона Цяньчун, Чэнь Дайчуань.

Ци Чэн опешил, не веря своим ушам. Павильон Цяньчун! Самая известная в мире боевых искусств сеть разведки, с которой считаются даже императоры! За шоком последовал восторг: удача сама плыла в руки!

Все эти дни Ци Чэн внешне бездействовал, но на деле вместе с системой анализировал информацию. Доу Сюн предупредил, что раз здесь идет прямая трансляция, система ограничила их возможности — например, Доу Сюн владел только теми данными, что давала «верхушка». Ци Чэну приходилось действовать сообща с системой, а не надеяться на всезнание.

За эти дни он выяснил, что и Наследный принц, и Третий принц тайно перебрасывали войска, причем отряды обоих находились неподалеку от Горы Хуан. Место, привлечшее внимание обоих принцев, определенно таило в себе что-то важное. Он планировал попросить мать найти доверенного человека для разведки.

Госпожа Чэнь казалась простой женщиной без власти, но разве дочь министра, ставшая наложницей, могла быть лишь обычной простолюдинкой? Ци Чэн надеялся, что у матери есть ресурсы, чтобы помочь ему. Он даже думал, не обратиться ли в Павильон Цяньчун за информацией, но кто бы мог подумать, что он сам — молодой господин этого Павильона?

Ставка сыграла, и результат превзошел все ожидания.

Видя шок на лице сына, Госпожа Чэнь решила, что он поражен величием её семьи, погладила его по руке и продолжила:

— Влияние поместья велико, но по сравнению с Павильоном Цяньчун это лишь капля в море.

<http://bllate.org/book/22529/2379532>